

Дин Цзыму молчал.

Осенний ветер проносился мимо, поднимая с мостовой пыль и опавшие листья, а в воздухе стоял удушливый запах. Ян Имин чувствовал, как у него на зубах скрипит дорожная пыль, горькая и вязущая. Но даже несмотря на это, он не посмел расспрашивать Дин Цзыму дальше. Почему-то ему казалось, что Дин Цзыму сейчас невероятно хрупок — словно даже этот порыв осеннего ветра мог его ранить. Ян Имин был готов ждать сколько угодно, пока тот сам не захочет заговорить. Ему было просто по-человечески жаль этого человека, ведь он понимал: Дин Цзыму — из тех, у кого есть жизнь, но нет судьбы. Возможно, в его двадцати с лишним годах всегда не хватало именно этой капли удачи.

— Учитель Ян, — вдруг подал голос Дин Цзыму. — На самом деле... — Он полуобернулся и уставился прямо на Ян Имина. В тусклом свете уличного фонаря его лицо, наполовину скрытое тенью, казалось застывшей маской — без единой эмоции, и от этого становилось не по себе.

— Что? — тихо спросил Ян Имин. Его не пугал такой Дин Цзыму, он лишь испытывал жалость к той сжавшейся в комок душе, что вечно пряталась за этой маской.

— На самом деле, я должен был умереть еще давным-давно.

Ло Ян сегодня предупредили, что придется задержаться на работе. Когда она позвонила Дин Цзыму, тот как раз смазывал маслом противень с лепешками. Ло Ян попросила его оставить дверь открытой, на что Дин Цзыму ответил:

— Я буду ждать тебя, не волнуйся.

— Не нужно, мы, когда задерживаемся, никогда не знаем, до сколько это затянется.

— Будет очень поздно?

— Кто знает, может, и после одиннадцати доберусь.

— Тогда позвони мне, когда автобус будет подъезжать к остановке, я встречу тебя, — тон Дин Цзыму не допускал возражений. — Девушке нельзя ходить одной по ночам.

Ло Ян на том конце провода рассмеялась:

— Муму, ты такой милый! Ты хоть раз видел девушку с такой боевой мощью, как у меня? Я — пацанка в юбке.

— Я встречу тебя.

— Ох, Муму, — вздохнула Ло Ян. — Ты такой теплый, что если бы мы не были так близки, я бы, наверное, вышла за тебя замуж.

— Если в конце концов никто не захочет брать тебя в жены, тогда я на тебе женюсь.

— Нет, — без колебаний отказалась Ло Ян. — Я собираюсь выйти за богатого красавца и достичь вершин жизни.

Ло Ян задержалась допоздна. Когда автобус, на котором она ехала, почти доехал до остановки, она позвонила Дин Цзыму. После нескольких гудков трубку взял мужской голос, который показался ей смутно знакомым:

— Алло, привет, Ло Ян. Это Ян Имин.

— Учитель Ян? — Ло Ян замерла. — Что случилось...

— Дин Цзыму неважно себя чувствует, я проводил его домой, он уже спит.

— О-о, понятно, — проговорила Ло Ян, сворачивая в сторону круглосуточной аптеки на другой стороне улицы. — Я куплю ему лекарств.

— Ты знаешь, каких именно? — подозрительно спросил Ян Имин.

— Обезболивающее, — ответила она. — У него опять голова болит? Он всегда его пьет.

— Он уже принял лекарство, — серьезно сказал Ян Имин. — Ло Ян, я хочу с тобой поговорить.

Ло Ян с детства боялась этой фразы, особенно когда ее произносили учителя. Поэтому, сидя на маленьком диванчике рядом с Ян Имином, она заметно нервничала.

— Учитель Ян, о чем вы хотите поговорить?

— Как давно ты знаешь Дин Цзыму?

— Больше десяти лет. Помню, я попала в приют в семь лет, а через пару лет привезли Муму, ему тогда было меньше девяти.

— Ты старше его?

— Меньше чем на год, — Ло Ян помедлила. — Хотя по мне и не скажешь, что я старше, правда?

— Правда, — кивнул Ян Имин. — Ты выглядишь очень молодо.

Ло Ян почувствовала облегчение.

— Ты знаешь что-нибудь о том, что было с ним до приюта?

Ло Ян опешила, окинула Ян Имина взглядом и подозрительно спросила:

— Почему вы спрашиваете? Это связано с тем, что у него часто случаются провалы в памяти?

— Да, — твердо кивнул Ян Имин. — Хотя я еще не до конца разобрался в связях, вероятность очень высока, поэтому я надеюсь, что ты сможешь дать мне подсказку.

— На самом деле, конкретики я не знаю, — начала вспоминать Ло Ян. — В детстве он был ужасно замкнутым. Целыми днями сидел в углу спальни, ни с кем не играл, ничего не просил, просто сидел там день за днем...

— Подожди, — перебил ее Ян Имин. — Где именно он сидел?

— В углу спальни. Мы тогда были маленькими, жили по многу человек в комнате. Я была егзой, бегала везде, заходила в мужскую спальню и часто видела, как Муму сидел там один, обхватив колени руками. Если ему что-то предлагали — он отказывался. Если тянули играть — он выходил, но игрушки не трогал, просто смотрел, как играем мы.

Ян Имина невольно передернуло. В его воображении тот Дин Цзыму, что сидел, обхватив колени в углу гостевой спальни, начал уменьшаться, превращаясь в маленького ребенка с тонкими конечностями, бледным лицом и огромными, лишенными блеска глазами.

Дин Цзыму как-то сказал, что этот ребенок кажется ему очень знакомым, что он определенно его знает, но вспомнить не может. Конечно, он был знаком — настолько, что казался вторым я.

Восемь лет... что случилось в те восемь лет, заставив Дин Цзыму изо всех сил пытаться забыть то, что было глубоко выжжено в его душе? И самое печальное, что следы, которые, как он думал, стерлись, снова и снова всплывали в его сознании через глаза того ребенка — появлялись, исчезали, снова появлялись, и так бесконечно.

А теперь Дин Цзыму, который не видел Да Дина, вдруг увидел этого ребенка!

В душе Ян Имина медленно нарастало чувство страха. Он осознал, что времени у него почти не осталось.

Собравшись с мыслями, Ян Имин встал и открыл окно. Октябрьский ночной ветер ворвался в комнату, остужая его разгоряченную голову.

— Дин Цзыму был в приюте, когда ему исполнилось восемь? — спросил он.

— Наверное, — Ло Ян замялась. — Я не помню точно. Когда его привезли, он был таким худым и слабым, выглядел совсем малышом, мы и не обращали внимания на возраст. Но воспитатели точно должны помнить. Спросите учительницу Фэн, она точно знает.

— А что было до приюта, ты знаешь?

— Понятия не имею, — Ло Ян покачала головой. — Но и так понятно: дети, попадающие в приют, редко видели что-то хорошее. Муму, наверное, пришлось еще хуже. Думаю, его обижали.

Ян Имин слегка прищурился. Ответ не стал сюрпризом — детские травмы чаще всего провоцируют психологические проблемы. Статистика показывает, что расщепление личности чаще всего вызвано насилием в детстве. К тому же, всего два часа назад он сам видел... Ян Имин почувствовал, как внутри все сжалось: гнев и жалость нахлынули с новой силой.

— Ты видела следы? — спросил он.

— Его перевели прямо из больницы. Первые две недели в приюте он не вставал с постели, пил

кучу лекарств, к нему приходили врачи ставить капельницы, — медленно рассказывала Ло Ян. — Тогда я помогала учительнице Фэн ухаживать за ним и не могла играть с другими детьми, поэтому ужасно злилась и постоянно цеплялась к нему. У меня это врезалось в память.

Ло Ян перевела дыхание и продолжила:

— Я каждый день видела, как учительница Фэн меняла ему повязки. У него были раны на спине, на груди, наверное, и на руках тоже. Позже я слышала, как воспитатели шептались, что Муму, мол, прошел через ад, но впереди его ждет счастье. — Ло Ян запнулась, ее глаза покраснели. — Учитель Ян, Муму правда очень несчастный. Если вы можете помочь — помогите, мы будем вам очень благодарны.

Ян Имин покачал головой:

— Благодарность не важна. Сейчас главное — найти причину его болезни.

— Что у него за болезнь? Это серьезно? — встревожилась Ло Ян. — Муму говорил, что у него нет психического заболевания, только психологические проблемы. Разве они не серьезные?

— Некоторые — да, — ответил Ян Имин. — Но большинство людей просто психологически нездоровы, это еще не психиатрия. Ситуация Дин Цыму сейчас...

Ян Имин помедлил, решив пока не делать окончательных выводов.

— У него определенно есть психологические проблемы, но пока они не влияют на его повседневную жизнь. Ты сама видишь, он справляется, вполне может решать свои дела самостоятельно.

— У него часто болит голова и провалы в памяти.

— Да, — сказал Ян Имин. — Это вторая причина, по которой я хотел с тобой поговорить.

Ло Ян выпрямилась, внимательно слушая.

— Ты можешь помочь мне убедить Дин Цыму чаще приходить ко мне?

— Конечно, — с готовностью ответила она. — Вы его психолог, так и должно быть.

— Если возможно, я хотел бы, чтобы в будущем он пожил у меня.

— А? — взгляд Ло Ян изменился, в нем промелькнула настороженность. — Зачем? Что вы хотите сделать?

Ян Имин подумал, что не может же он сказать: я боюсь за тебя, ведь если вдруг выскочит Да Дин или Дин Цыму забьется в угол и будет тихонько звать сестренку Ло, это же до смерти напугает ее. Ему пришлось выбрать самый благовидный повод:

— Мне нужно долгое наблюдение за его поведением, чтобы поставить точный диагноз. Жить у меня было бы удобнее, к тому же у меня есть свободная комната.

Ло Ян скривила губы:

— Учитель Ян, вы меньше месяца знакомы, а уже отбираете моего соседа?

— Нет, ты не так поняла, — покачал головой Ян Имин. — Не прямо сейчас. Он только привык к твоей квартире, если резко все поменять, ему снова придется адаптироваться, а это плохо скажется на его состоянии. К тому же, здесь он чувствует себя свободнее, а ему нужна расслабленная обстановка.

На самом деле, была еще одна причина, о которой Ян Имин умолчал. Он чувствовал, что Да Дин относится к нему с глубоким недоверием, иначе он, дилетант, не смог бы так легко вызвать его наружу. Сегодня Да Дин явно хотел выйти, чтобы предупредить его, а сам Дин Цзыму был слишком утомлен и вял. В итоге трое сошлись в одном: Дин Цзыму ушел спать, а Да Дин вышел на сцену.

В такой ситуации Ян Имин понимал: если Дин Цзыму будет жить у него, Да Дин будет провоцировать его все чаще, что нанесет Дин Цзыму вред. Он не хотел этого, он надеялся, что при долгом и стабильном общении Да Дин постепенно примет его.

Ло Ян приняла его доводы:

— Учитель Ян, не волнуйтесь, я буду содействовать. Муму очень легко провести, я что-нибудь придумаю, чтобы он почаще заглядывал к вам.

— Есть еще кое-что, — сказал Ян Имин.

— Слушаю.

— Психика Дин Цзыму нестабильна. Иногда у него может быть плохой характер, поведение может отличаться от привычного. Если увидишь — не обращай внимания и не пугайся.

— Не буду, — беспечно махнула рукой Ло Ян. — Насколько нестабильным он может быть? Не станет же он со мной драться? Даже если станет, он с детства ни разу не побеждал.

— Если что-то пойдет не так — сразу звони мне, — наказал Ян Имин. Чем больше он говорил, тем меньше уверенности оставалось внутри. В голове крутилась картина: глубокая ночь, в комнате темно, Да Дин медленно садится на кровать, босыми ногами идет через гостиную, бесшумно открывает дверь в комнату Ло Ян, а в его глазах — волчий зеленый блеск. Он медленно растягивает губы в холодной усмешке, глядя на спящую Ло Ян...

Ян Имин тряхнул головой, приказывая себе прекратить эти нелепые фантазии. В конце концов, ни Дин Цзыму, ни Да Дин никогда не тронули бы Ло Ян — ведь она их близкий друг, с которым они выросли.

Ло Ян хихикнула:

— Учитель Ян, вы слишком много думаете. Мы видели, как он «болеет», еще в приюте.

— О? И как это выглядит?

— Да ничего особенного. Вдруг ни с того ни с сего злится, начинает поучать всех старческим тоном или прячется в угол. В любом случае, после приступа у него всегда болит голова, и таблетки почти не помогают.

Ло Ян вдруг подалась вперед:

— Учитель Ян, а что с ним было сегодня?

На самом деле, Ян Имину самому было трудно объяснить, что произошло этой ночью, особенно в тот миг, когда Дин Цзыму упал.

Он помнил, как Дин Цзыму с надломленным тоном сказал: «На самом деле, я должен был умереть еще давным-давно». В его голосе не было жизни, и Ян Имину на ум пришло слово «тлен». Поэтому он не решился расспрашивать дальше, а лишь наигранно весело ответил:

— Мало ли что мы «должны» или «не должны». Если рассуждать так, то я должен был умереть гораздо раньше тебя.

Дин Цзыму взглянул на него и дернул уголком рта.

Ян Имин продолжил:

— Веришь нет, в шесть лет я тонул в лодке, в семь — упал со второго этажа, в девять — попал в аварию на шоссе, в пятнадцать — переболел ревматизмом сердца, а в двадцать, когда учился в универе, подрался с парнями после пьянки, и мне полоснули ножом по спине...

— Учитель Ян, — сказал Дин Цзыму, — даже в сериалах так не бывает.

— Вот именно. Жизнь куда абсурднее любого сериала, — Ян Имин потянул его за собой. — Пошли, нечего стоять на дороге и глотать пыль.

Дин Цзыму, хоть и был без сил, послушно поплелся за ним. До дома было недалеко, и Ян Имин без умолку болтал, стараясь отвлечь его, но Дин Цзыму словно погрузился в свои мысли и так и не вышел из этого состояния. У Ян Имина уже язык пересох, но лучше не становилось. Впрочем, то, что Дин Цзыму не сорвался прямо на улице, уже было достижением. Ян Имин нелепо подумал, что для бедолаги, которого только что «захватили», реакция у Дин Цзыму еще ничего.

Ян Имин проводил его до подъезда, а узнав, что Ло Ян задерживается, заволновался еще больше и настоял на том, чтобы подняться «выпить воды», сославшись на то, что ужин был слишком соленым. Ян Имин лгал так искренне, что Дин Цзыму, полный чувства вины, впустил его. У двери, пока Дин Цзыму искал ключи, Ян Имин заметил на стене плакат по сортировке мусора — то ли из-за композиции, то ли из-за красок, но он выглядел настолько отталкивающе, что это даже можно было назвать своеобразным стилем.

— Какая жуткая картина, — бросил Ян Имин.

Дин Цзыму открыл дверь:

— Проходите, учитель Ян.

Ян Имин вошел, продолжая ворчать:

— Ваше ТСЖ тоже хороши, могли бы повесить что-нибудь попрличнее, а не этот ужас.

Дин Цзыму внезапно застыл, словно кто-то заблокировал каждый сустав в его теле. Его глаза расширились, и он свирепо уставился на Ян Имина.

Ян Имин тут же замолчал, инстинктивно отступил на шаг и хотел было крикнуть «Да Дин!», но Дин Цзыму не дал ему шанса — он ловко и жестко схватил его за горло. Ян Имин в ужасе замер, слова застряли в глотке, он пытался разжать пальцы Дин Цзыму, но в тот же миг тот отпустил его, резко отпрянул назад и, схватившись за голову, рухнул на пол, словно его ударили чем-то тяжелым.

Он свернулся калачиком, обхватив голову руками, и издал жалобный стон.

Ян Имин бросился к нему:

— Дин Цзыму! Дин Цзыму, очнись!

Тот сжался еще сильнее.

— Расслабься... Дин Цзыму, что с тобой?

— Голова... — прохрипел он обрывисто.

— Что с головой? — Ян Имин попытался поднять его. Дин Цзыму казался худым, но на деле был крепким, его пальцы впились в руку Ян Имина с такой силой, что тот не мог пошевелиться.

— Больно... — прошептал он.

— В больницу?

— Нет... таблетку... обезболивающего.

Ян Имин подхватил его и с трудом дотащил до кровати. За эти пару шагов он почувствовал, как его собственная грудь промокла от холодного пота Дин Цзыму. До чего же ему больно? Ян Имин коснулся его лба и пожалел о содеянном: сегодня был не лучший день, состояние Дин Цзыму было нестабильным, не стоило будить Да Дина.

— Дин Цзыму, давай я все-таки отвезу тебя в больницу? — с тревогой спросил он. — Так нельзя.

Дин Цзыму не ответил, лишь с трудом указал на тумбочку. Ян Имин открыл ящик и нашел аптечку.

Приняв лекарство, Дин Цзыму закрыл глаза и позвал:

— Учитель Ян.

— Да? — Ян Имин, опираясь на край кровати, склонился над ним.

Дин Цзыму молчал. Через некоторое время Ян Имин решил, что тот позвал его бессознательно, и хотел было выпрямиться, но Дин Цзыму снова позвал: «Учитель Ян».

— Я здесь, — тихо отозвался он.

Дин Цыму успокоился. Он лежал с плотно сжатыми веками и нахмуренными бровями, челюсти были сцеплены так, что выделялись скулы. Ян Имин видел, как на лбу проступают капли пота, намочившие челку. Он хотел было встать, чтобы принести полотенце, но стоило ему пошевелиться, как Дин Цыму вцепился в его руку.

Хватка была железной, Ян Имин поморщился, но остался сидеть на краю кровати, накрыв свободной рукой лоб Дин Цыму:

— Дин Цыму, я не ушел. Я здесь.

<http://bllate.org/book/19775/1948326>